

Я родилась в 1923 году в Бауманском районе г. Москвы.

Когда мне было 5 лет, родители развелись. Я до конца войны носила мамину фамилию – Родькина, а потом взяла фамилию отца – Соколова.

В школе участвовала в выпусках стенгазеты, а также в течение восьми лет занималась хореографией, в составе ансамбля выступала на крупных концертах наряду со знаменитыми профессионалами. В общем, готовилась стать профессиональной танцовщицей.

Но началась война, и я поступила работать контролёром ОТК в цехе первичной обработки втулок для моторов самолётов на авиадвигательном заводе № 24 им. Фрунзе, а затем на машиностроительной станции этого же завода. Завод был огромный, и мы, молодёжь, организовали военно-санитарную дружину, где учились метать учебные гранаты, ползать по-пластунски (на находившемся по соседству с заводом Семёновском кладбище); учились оказывать первую медицинскую помощь раненым и тренировались быстро надевать противогазы.

При почти еженочных налётах фашистской авиации на Москву дружинники, работавшие в ночную смену, под градом осколков от зенитных снарядов наших советских орудий бежали вдоль километрового заводского забора на Семёновскую площадь (в то время – площадь Сталина), чтобы специальными щипцами собирать зажигательные бомбы («зажигалки») и гасить их в ящиках с песком, установленных на крышах домов и на земле. А затем снова бежали на работу.

Курировал нашу дружину 1-й секретарь Горкома ВЛКСМ г. Москвы – Александр Николаевич Шелепин, которому самому было в то время 23 года. (Аппарат ЦК ВЛКСМ вместе с секретариатом был эвакуирован в Куйбышев или Саратов.) А.Н. Шелепин ежедневно приезжал на завод, одобряя и поддерживая активность нашей дружины. Мы все рвались на фронт, обращались с просьбой в райком комсомола и к самому Шелепину. В конце концов, нашу просьбу удовлетворили: нас вызвали на комиссию в составе А.Н. Шелепина, известного писателя Льва Шейнина и Артура Карловича Спрогиса — разведчика в 30-е годы во Франции и участника Гражданской войны в Испании, награждённого многими орденами и знаками отличия. Вызывали нас по одному и спрашивали, кто где хотел бы служить: радистом, обслуживающим самолёты на аэродромах или партизаном. Я выбрала партизанскую борьбу.

13-го октября 1941 года нас собрали (47 девчат и около 10 офицеров-слушателей Академии им. М.В. Фрунзе) у кинотеатра «Колизей» (теперь – театр «Современник»), и повезли на грузовиках за город, на одиноко стоявший хутор, и расположили всех в одной избе, где мы спали, не раздеваясь, прямо на полу, застеленном соломой. На следующий день начались занятия по военной подготовке: стрельбе из ружья и

пистолета. А.К. Спрогис показал, как можно снять охрану с помощью финского ножа в спину (при этом он сказал: «Это очень просто, очень легко! Ха-ха!» Мы посмотрели на свои ручонки и тоже засмеялись).

Потом худой, стройный, высокий, даже элегантный пожилой мужчина в солдатской шинели, с сединой, напоминавший мне старика из романа В. Гюго «93-й год», с молодым помощником – тоже высоким, черноволосым с усиками, по фамилии Гальперин, очаровавшим половину наших девчат, учили нас, как закладывать тол (взрывчатка), запал в часовую мину и другому военному делу.

Но на следующий день (15 октября) сельские жители из ближайшей деревни «пронюхали» о нашем секретном пребывании на хуторе, и нас быстро посадили в грузовики и через всю Москву повезли по Минскому шоссе в деревню Жаворонки, где мы разместились в помещении детского садика с крошечными раскладушками для нашего сна. В этот же день, 15-го октября, прибыла очень большая группа, в основном, из девушек. Были и парни, по разным причинам не попавшие в действующую армию. Вскоре нас начали формировать в группы, в среднем по 15 человек, для заброски на занятые врагом территории.

Я и Лёля Казанли вошли в группу из 14 человек, старшим назначили гражданского жителя из г. Архангельска – Григория Соколова, замом был Владимир Прохоров. Вошла в группу и Вера Волошина из Кемерово – студентка сначала Московского инфизкульта, а затем, кажется, Кооперативного института, 22-х лет, замечательная девушка: высокая, статная, красивая, с хорошим характером.

Первый выход в тыл врага: с 22 октября по 6 ноября.

22-го октября нас отправили в грузовике, в сопровождении офицера Фёдора Старовойтова, до линии фронта – приблизительно 100 км от Москвы. Высадили нас на отрезке, где не было боёв. Мы перешли линию фронта и направились в ближайший лес, т.к. нам было запрещено заходить в селения, общаться с жителями и вступать в бой из-за нашей малочисленности и недостаточной обученности военному делу.

Наше задание состояло в том, чтобы, помимо получения информации об обстановке и расстановке немецких войск в деревне Голубино, что находится на большаке между Волоколамском и селом Калинино, заложить часовые мины в грунт большака и оборвать связь между немецкими соединениями.

День был жаркий, солнечный, идти было тяжело, неся за плечами увесистые рюкзаки с боеприпасами, минами, толлом, гранатами-«лимонками», финскими ножами для обрыва проводов связи, револьверами у девушек и ружьями (или автоматами) у парней. И, кроме того, мы несли запас продуктов, рассчитанных на 9 дней, согласно заданию, а также предметы личной гигиены (мыло, бельё, полотенца и пр.). Мы решили ночью спать в лесу, т.к. не знали местности (компас не помогал) и точного расположения

немцев. Ночи были холодные, а наша одежда, влажная от пота днём, ночью промерзала насквозь.

В первую ночь спать в лесу, во тьме, не зная, где расположились фашисты, было страшновато. Поэтому я спала с гранатой в руке, палец – на чеке (кольце, чтобы, если немцы найдут нас, подорвать себя и их.) Но всё обошлось благополучно.

Утром Гриша Соколов сказал: «Кому трудно, может вернуться в штаб». Из всей группы ушёл только один парень. По возвращении из задания, мы узнали, что он в штаб не вернулся.

А мы несколько дней всё шли, шли лесом; изредка двое из нас уходили в разведку, сняв с себя рюкзаки и оружие (на нас была полувоенная одежда: сверху стеганки, на ногах кирзовые сапоги. Цель разведки: ознакомиться с обстановкой, с местностью, найти партизан для того, чтобы действовать сообща. Встречным мы должны были говорить, что возвращаемся домой после работ по рытью траншей в г. Наро-Фоминске (хотя даже не знали, где он находится).

Я три раза ходила в деревни или на дорогу: один раз с Верой Волошиной, второй – с Валею «маленькой» (фамилиями особенно не интересовались, а имена некоторые из нас, на всякий случай, временно изменяли); третий раз – я пошла с Лёлей Казанли, но это уже после выполнения задания.

С Валею мы вышли на просеку между участками леса, с которой приблизительно с 70-100 метров была видна дорога, по которой проезжали различные немецкие автомашины. В одной из них мы увидели немца, по-видимому, высокого чина в огромной кокарде. К счастью, они, немцы, не видели нас. Зато мы увидели в кустарнике леса сквозь густую листву чёрные шапки мужчин, которые размахивали руками, призывая нас к себе. Но мы стояли и тоже делали знаки, чтобы они подошли к нам. Однако они не шли, и тогда мы поняли, что это опасно для них и для нас – немцы с дороги могли увидеть нас; и мы пошли к ним. Это были местные партизаны. Они нам сказали, где тот большак, который был нам нужен, а также что в деревнях немцы не живут, расположились на местном аэродроме, а в деревни ездят только за продуктами. Партизаны очень помогли нам выполнить задание: вместе с нами ночью раскапывали мёрзлый грунт большака, закапывали мины и помогали обрезать провода связи.

Партизаны объяснили нам дорогу обратно к линии фронта и тепло попрощались с нами. Днём мы сидели в лесу недалеко от дороги, разожгли костёр, просушили одежду и обувь, поели, а после полудня я и Лёля Казанли пошли в ближайшую деревню, узнать, есть ли там немцы и можно ли приобрести продукты, т.к. у нас они закончились, и мы ели остатки сухарей вперемешку с толом – он очень горький и с неприятным запахом. Но голод – не тётка...

9 дней, данные нам на выполнение задания, давно прошли, а нам ещё надо возвращаться. Партизаны сказали, что немцев там нет, и, кажется, там другой отряд

партизан. Когда мы, Лёля и я, пришли в деревню, немцев там действительно не было, но и партизан тоже. Несколько мужиков расхаживали по деревне.

Мы пошли обратно к своим. Когда пришли на место, там никого и ничего не было, только кострище, уже затухшее. Снова вернулись в деревню, т.к. уже темнело, и нам нужно было где-то переночевать. Просили в домах, чтобы пустили нас. Только одинокий старик отважился пустить нас в дом. Прибегали любопытные крестьяне и их дети, заглядывали в окна и дверь поглазеть на нас. Мы спали на печке.

Утром пришёл деревенский староста с каким-то типом, спросил, откуда мы, и попросил документы. Мы использовали версию о Наро-Фоминске и сказали, что документов у нас нет. Они постояли, подумали и ушли. Через некоторое время за нами пришла одна из наших девушек и отвела нас на новую стоянку, на ходу рассказав нам, что, когда мы ушли, над костром кружил самолёт, и ребята, затушив костёр и собрав вещи, ушли на новое место. Кто-то из наших в лесу нашёл полянку, на которой стоял огромный стог сена под навесом из прутьев. Мы расположились там на ночь. Но среди ночи над нами разразился страшный воздушный бой: с неба падали горящие осколки, но, слава Богу, нас они не коснулись.

Рано утром тронулись в путь.

Разведав, что и в следующей деревне немцев нет, мы смело вошли в неё и обратились к женщинам села с просьбой продать нам продукты. (Когда мама меня провожала, она дала мне денег). Но они ответили: «Зачем нам ваши деньги?! Мы можем обменять продукты, например, на мыло, одеколон, вещи, даже расчёски». Мы вытащили из рюкзаков всё, что представляло для них интерес. Они отвели нас в одну из изб и принесли много еды: варёную картошку, солёные огурцы, капусту, хлеб, молоко. Мы так наелись, что трудно было встать, и начали подшучивать друг над другом: «Может, выпьешь ещё молочка?» Повеселели, расслабились, захотелось спать. И вдруг вбегает мальчишка лет 8-10-ти и кричит: «Немцы едут сюда на 4-х мотоциклах, по двое на каждом и с автоматами!» Мы схватили свои рюкзаки и бросились бежать, но не в сторону дороги, ведущей к линии фронта, как предположили немцы, а в противоположную сторону, за дома, за которыми были огороды с рыхлой мокрой землёй после уборки картофеля. Ноги, в болтающихся больших сапогах, по колено проваливавшиеся в жидкую землю, мы тяжело, медленно вытаскивали, и были бы прекрасной мишенью для немецких автоматчиков, если бы они поехали в нашу сторону. Видимо, кто-то донёс на нас немцам.

К счастью, всё кончилось благополучно: мы добежали до леса и долго блуждали в поисках выхода к линии фронта. Счастье улыбнулось нам: мы всё-таки встретили в лесу партизан, которые вывели нас в Заозёрье, к стоявшей там 33-й армии под командованием Лелюшенко. Там долго допрашивали нас – вооружённых людей без документов, и, видимо, получив подтверждение информации из Москвы, поселили на

втором этаже кирпичного дома, напротив квартиры, где находились два пленных немца. Кормили очень хорошо в офицерской столовой.

Кажется, на третий день нас на грузовике доставили к поезду в г. Клин, и вечером мы поехали в Москву под диким обстрелом фашистскими самолётами нашего поезда – летели стёкла окон, куски железа, но машинист мастерски маневрировал: то вёл поезд на предельной скорости, то замедлял его почти до остановки.

Поздно вечером мы прибыли в Москву. Все поехали по домам. Когда я пришла домой – там никого не было. Соседка сказала, что моя сестра уехала в г. Казань в госпиталь к раненому мужу, а мама ушла ночевать в бомбоубежище, находившееся в строившемся метро «Бауманская».

В метро, спустившись по ступенькам на платформу (эскалатора ещё не было), я чисто интуитивно направилась в один из четырёх тоннелей, ещё без облицовки и почти в темноте; на верхних деревянных мостках я увидела и почувствовала что-то родное в спящей фигурке – это была моя мама. Я разбудила её. Так как на голове у меня был красноармейский шлем «репка», мама не узнала меня и закричала: «Кто вы? Что вам надо?!» Я сказала: «Мама, это я.» Она заплакала, расцеловала меня, и мы пошли домой. Это было 6-го ноября 1941 года, а 7-го ноября был парад на Красной площади и на Мавзолее стоял И.В. Сталин, благословляя солдат, отправлявшихся на фронт.

А вечером 7-го ноября наша группа собралась отпраздновать 24-ую годовщину Октябрьской революции на квартире у одной из девушек, в Николо-Песковском переулке на Арбате. Мы все были веселы и дружны оттого, что праздник, что мы без потерь выполнили задание. Как позднее сказал нам Артур Карлович Спрогис, по его сведениям, мы прервали важную телефонную связь немцев и подорвали 11 автомашин на большаке.

8-го ноября пришли в военторг днём купить щётки и что-то ещё, т.к. отобрали всё «на корню». Был голод. Там нас задержали, т.к. мы были без документов. Когда всё прояснилось, нас отпустили.

8-го ноября мы снова собрались у кинотеатра «Колизей», чтобы ехать в расположение нашей части, опять по новому адресу, в дом охраны дачи И.В. Сталина на Рублёвском шоссе. Там уже была Лёля Колесова. Нам выдали белые дублёнки. Там было уже много народу: и немцы-интернационалисты, и архангелогородцы, и эстонцы – один из них дал мне белый парабеллум. Там прошли дополнительную подготовку по стрельбе. Через несколько дней уже в составе другой группы я поехала на новое задание. Но ближе к линии фронта нас обстреляли, и я, небольшим осколком, получила касательное ранение головы и контузию. После этого, по совету наших друзей – офицеров слушателей Академии им. М.В. Фрунзе, — я окончила краткосрочные курсы медсестёр

и почти до самого конца войны работала медсестрой в эвакогоспиталях и 1-м комгоспитале в Лефортово.